

СОДЕРЖАНИЕ

IV. ЗРЕЛОСТЬ

5

Часть I

7

Часть II

123

Часть III

213

Дневник выступлений

317

Именной указатель

469

Если выжившие львы не расскажут, как это было, это сделают охотники.

Африканская пословица

IV. ЗРЕЛОСТЬ

ЧАСТЬ I

1

...Перед отъездом из Москвы в Париж на операцию одна приятельница вызвалась меня куда-то подвезти на своей машине, я ходил с трудом, сильно хромая. Рядом со мной в салоне автомобиля оказалась ее подруга. Мы познакомились, завязался какой-то банальный разговор, в том числе о травме. Женщина вдруг спросила: «Когда у вас операция?» — «24 ноября». — «А когда у вас день рождения?» — «31 декабря». Она вдруг: «Очень вас прошу, не оперируйтесь 24-го, перенесите операцию хотя бы на неделю». — «Я не могу, все уже оговорено». А она: «Это день затмения, очень нехорошо, не надо вам оперироваться в этот день...» Я ту женщину не послушал.

По плану я должен был после операции пролежать в клинике всего три дня, а на четвертый уехать в спортивный реабилитационный центр, расположенный в Капбретоне, и провести там на восстановлении два месяца. Чтобы здоровым, полным сил и желаний вернуться на сцену Большого театра. План казался четким и простым в исполнении, я совсем не волновался. Какой известный танцовщик или спортсмен обходился без травм?

24 ноября 2003 года доктор Тьерри Жондрель оперировал меня под общим наркозом. Благодаря эндоскопической операции на моем колене нет никаких шрамов — только три малозаметные точки, филигранная работа.

Из французских газет я знал, что недалеко, в соседней клинике, такую же, как мне, операцию сделали сыну актера Жерара Депардьё — Гийому, который несколько лет назад упал с мотоцикла, серьезно травмировав ногу. Мы были знакомы, не близко. Гийом, по-моему, ухаживал за какой-то танцовщицей в Оперá, я видел его несколько раз в театре.

После наркоза я, к удивлению врачей, очень быстро пришел в себя, у меня не было недомогания или каких-то неприятных ощущений. Отлично себя чувствуя, на второй день на костылях я вышел в коридор, а на третий день предвкушал, что завтра отправлюсь к океану, на реабилитацию. Мне уже готовили документы на выписку, как к вечеру, совершенно неожиданно, температура подскочила под сорок. Поднялась и, несмотря ни на какие медикаменты, капельницы, не падала.

Вся клиника пришла в волнение, забегали врачи, засуетился медперсонал. У меня начался сильный жар. Доктора не сразу смогли установить причину такой реакции моего организма. Анализы зашкаливали, показывая, что дела мои — хуже не бывает.

Тут и всплыла история с теми самыми прыщиками, которые я принял за раздражение и свел в Москве при помощи мази. Выяснилось, что у меня на коже именно таким образом проявился *staphylococcus aureus*, то есть золотистый стафилококк. В парижской клинике я о прыщиках никому не сказал, мне просто в голову не пришло беспокоить доктора Жондреля такими пустяками. Это было роковой ошибкой, потому что бактерия золотистого стафилококка смертельно опасна. У меня диагностировали сепсис...

Позднее я узнал, что у Гийома Депардье, как и у меня, из-за золотистого стафилококка после операции случилось заражение крови и началось самое страшное — гангрена. Ему отняли сначала стопу, потом ногу по колено... Он стал ходить на протезе. Однако через несколько лет история повторилась, усилия врачей оказались напрасны, Гийом умер.

Как я теперь понимаю, подобный сценарий мог ожидать и меня. Но, находясь в беспамятстве, в бреду, я вообще не понимал, что происходит. Никто из врачей и медсестер не показывал вида, что я стою на краю могилы. В те страшные дни рядом со мной в клинике находились два ангела-хранителя — Галя Казноб и Маша Зонина. В отличие от меня, они знали об истинном положении вещей, со страхом ожидая дальнейшего развития событий.

В течение трех недель мне сделали десять операций под общим наркозом, надо было постоянно промывать сустав, чтобы не допустить гангрены. Меня брали в операционную последним как гнойного больного, в конце

дня. И каждый раз это было путешествие в очередной круг ада. Я изучил весь свой маршрут от палаты до операционной по потолкам и лампам. Я видел их множество раз, когда меня везли по коридорам на каталке. Провожая меня в операционную, Галя каждый раз боялась, что меня могут привезти в палату с ампутированной ногой.

Когда после очередной «чистки» я приходил в себя, наркоз отходил и начинались выматывающие боли. В такие моменты приходила медсестра, капала морфий на кусочек сахара, чтобы хоть как-то облегчить мои мучения.

Маша звонила мне на мобильный телефон в течение ночи по несколько раз. Ее предупредили, что я могу умереть в любую минуту, не дожив до следующего утра. Если я, хоть и в бреду, брал трубку, значит, я был еще жив...

Несмотря на все усилия врачей, температура ниже сорока не опускалась. Я потерял чувство времени, день путался с ночью, в глазах все кружилось, в бреду казалось, что я летаю, танцую, опаздываю на сцену... Из ночи в ночь меня преследовал один и тот же кошмар: я выхожу на сцену, вроде бы нога есть, а пытаюсь наступить на нее, понимаю, что ее нет! В таком лихорадочном состоянии я звонил в Москву, просил забрать меня домой, говорил, что умираю.

Галя проводила со мной весь день, уходила домой только переночевать. Но, когда она уходила, я оставался один в крошечной палате, и тогда мне становилось по-настоящему страшно. Клиника находилась хоть и в центре города, но не в самом благополучном районе Парижа, потому вечером все ее окна закрывались металлическими ставнями. Я чувствовал себя так, словно уже оказался в гробу.

Есть я не мог, меня «кормили» через капельницу. Вес таял вместе с моими силами. Я стал похож на скелет, обтянутый кожей. Как-то лежу, вечереет, температура опять под сорок, в палате доктор и анестезиолог готовят меня к очередной операции. Вдруг открывается дверь, в проеме стоит жандарм в полной форме, с торчащими в разные стороны усами, как в кино: «Êtes-vous, Nikolai Tsiskaridze?» Я опешил: «Oui». Он протянул мне письмо с гербовой печатью Франции. Премьер-министр г-н Раффарен писал, что

очень обеспокоен моим состоянием и желает мне скорейшего выздоровления. Он помнил меня по «Жизели» в Москве. А второе его письмо — разгромное — было адресовано клинике, мол, что это такое, золотистый стафилококк, вы что, с ума сошли?! К ним тут же заявила проверка. Неожиданно для себя и клиники я оказался персоной государственной важности.

Через две недели, когда температура впервые упала до 38-ми, я взмолился: «Если вы мне не дадите помыться, я умру». Врачи смотрели на меня с ужасом, как могли, отговаривали, но я уперся: «Я хочу умереть чистым».

Чтобы я смог принять душ, меня, в прямом смысле слова, запаковали: рука с торчащей в вене иглой от капельницы, которую не отключали, и нога были полностью замотаны скотчем. Я встал под душ. Когда вода коснулась моего лица и струйками потекла к шее... Ничего лучшего в жизни я не испытывал. Только тогда, оказавшись на грани смерти, я наконец понял, что значит настоящее Счастье.

Но это крайне важное для меня открытие никак не меняло положения дел. Парижские врачи уже боролись не за мою ногу. Они боролись за мою жизнь. Что будет со мной дальше, мог знать только Всевышний.

2

А в Парижской опере каждый день начинался с совещания по поводу Цискаридзе. Директору Югу Галю предоставляли полный отчет по моему самочувствию — температура, состояние, как лечат, чем лечат. И каждый день один и тот же ответ из клиники: ситуация по-прежнему критическая...

Несмотря на это для персонала госпиталя — врачей, медсестер и нянечек — я стал чем-то вроде местной достопримечательности. Видимо, визит представителя французского премьер-министра и шумиха, поднявшаяся вокруг моей персоны, произвели на них большое впечатление. Смущаясь, они заглядывали в палату и, если я был еще в состоянии им кивнуть,

просили разрешения со мной сфотографироваться. Я не отказывал, пребывая в уверенности, что едва ли стану украшением этих снимков: кожа да кости, волосы еще не отросли, перед операцией я коротко постригся.

Галя Казноб по-прежнему проводила со мной дни напролет. Стараясь хоть как-то скрасить тягостное течение времени, даже заставляла меня учить французский язык. Но как только мы начинали спрягать глаголы, у меня поднималась температура, пришлось отказаться от занятий.

В госпитале меня постоянно кто-то навещал, как говорится, «народная тропа» не зарастала: Элизабет Платель, Брижит Лефевр — постоянно, Маша Зонина каждый день, Катя Новикова, приезжавшая в Париж...

Однажды в моей палате появился Владимир Рен. Потомок первой волны русской эмиграции, он пользовался большим уважением среди наших соотечественников в Париже и вообще во всем мире русского зарубежья. Владимир Владимирович пришел не один, а с православным священником из храма Александра Невского, что на rue Daug.

Я причастился, и было такое чувство как будто кто-то меня отпустил... Впервые за эти недели я заснул сном младенца, без укола, крепко и безмятежно. На следующий день с утра упала температура. Врачи диву давались. Иначе как чудом это никто назвать не мог.

Я просто физически ощущал, как жизнь возвращается в мое тощее, слабое, измученное тело. Когда меня отключили от капельницы, все вены на руках оказались исколоты до такой степени, что на них не было ни одного живого места.

Перед выпиской медсестры Сильве и Рене подарили мне шприц. На нем фломастером они написали свои имена и дату: 18.12.03, то есть 18 декабря 2003 года, дату выписки. Напоследок обломили у этого шприца «носик». Сказали, есть такая примета, чтоб не было дороги обратно, в клинику. Теперь шприц у меня дома лежит на видном месте, в назидание, чтобы я не забывал, что такое по-настоящему плохо.

В тот же день Маша Зонина провожала меня на вокзале Монпарнас. Я ехал на восстановление в Капбретон. Поскольку во время лечения в Париже меня опекало и посольство РФ, там выделили человека, который

сопровождал меня до самого реабилитационного центра. Цискаридзе купили два билета: на одном месте сидел я, на другом лежала моя нога.

На вокзале я почувствовал себя наисчастливейшим человеком оттого, что впервые за долгое время ехал не в операционную. Благодарить! Раннее утро. Мимо провезли тележку со свежими багетами, и такой дух от них шел! «Маш, я кушать хочу», — вырвалось у меня. «Что?! Что ты хочешь?» — подпрыгнула в изумлении Маша. Повторяю, уже с уверенностью: «Я хочу багет». Она вскочила, побежала, купила мне шесть багетов с сыром и колбасой.

Два самых длинных были съедены сразу. Я рвал багеты зубами, как зверь, и торопливо, не дожевывая, жадно глотал куски этого пахучего мягкого хлеба. «Коля, пожалуйста, — стонала Маша, — у тебя сейчас заворот кишок случится!» Не знаю, ел ли я в жизни что-то вкуснее. Оставшиеся четыре багета были взяты с собой в дорогу, их я жевал потихоньку, но приходилось себя сильно сдерживать.

3

Через пять часов поезд прибыл в Биарриц. Декабрь, плюс 25 градусов! Оттуда до Капбретона, где находился CERS — Centre Européen de Rééducation du Sportif, минут двадцать на машине.

Европейский центр реабилитации спортсменов располагался на живописном утесе, нависавшем над Атлантическим океаном. Здание в форме треугольника. Самый «козырный» номер на верхнем этаже оказался моим люксом. Он стоил каких-то невероятных денег (за что надо сказать большое спасибо попечительскому совету ГАБТа).

Люкс был двухкомнатный, гостиная и спальня, большая ванная. А главное в нем — угловой шикарный балкон с видом на океан. Райское место.

Но радость моя оказалась недолгой, потому что ко мне тут же пришли врачи, протестировали ноги, измерив их «функционалку». Цель — чтобы,

уезжая, моя больная нога была восстановлена не менее чем на 70 %. Сказали честно: «У нас большое количество пациентов, чтобы восстановиться, им надо работать очень много. А вам надо работать, как всем им вместе взятым, потому что подвижность вашего сустава, тонус и объем мышц ниже всякой нормы».

Врачи ушли. Поняв, что дела мои нехороши, я решил для поднятия настроения залезть в душ. Первый раз с момента операции взглянув на себя в зеркало, я увидел... жертву концлагеря Бухенвальд. До травмы я весил 72 кг, но теперь потерял около 10 кг.левой ноги не было вообще, ни икроножной мышцы, ни бедра: просто кость и колено размером больше, чем моя голова. Ужас. Тогда единственный раз пришла мысль, что танцевать я не буду никогда, потому что так, с нуля, накачать мышцы невозможно.

Приняв душ, я вышел на балкон. Солнце садилось, по океанской глади скользили разноцветные доски серферов. Я смотрел на красоту, разлитую в природе, на этот закат, глубоко, с наслаждением, вдыхая океанский воздух... И вдруг понимаю: «Хочу черную икру!» Никогда в жизни у меня такого желания не возникало. У нас с мамой из-за этой икры всегда дикие скандалы происходили. Я тут же позвонил в Москву своей приятельнице, которая собиралась приехать ко мне в Капбретон на день рождения, и попросил привезти черной икры.

Центр, куда я попал, считался одним из лучших в Европе, клиника по типу пятизвездочного отеля. Здесь лечились спортсмены высшей категории — звезды типа Криштиану Роналду. Уклад жизни напоминал большой и дружный пионерский лагерь, в который приезжали на костылях, а уезжали на своих двоих. Ходячие ухаживали за теми, кто на костылях.

Когда появлялся новичок, вечером, во время ужина в столовой ему предлагалось представиться — имя-фамилия, из какой страны и города, сколько лет, чем занимаешься. Я встал: «Мне двадцать девять лет, меня зовут Николай Цискаридзе, я из России, артист балета», раздались дикие аплодисменты, потому что весь этот «пионерский лагерь» — ребята от 16 до 22 лет — борцы, лыжники, футболисты. И тут я, 30-летний мальчик-колокольчик, самый щуплый и дохлый из всех. Были там и двое регбистов-грузин из английских клубов, под два метра ростом, красоты невероятной, не то что я.

День был жестко расписан. Утром — гимнастика, потом завтрак и далее по индивидуальной программе, которую назначал личный доктор: физиопроцедуры, тренажеры, массаж. Занятия начинались в 7:00 и длились до 17:00. Еще час давался на самостоятельную работу. В 20:00 ужин, и всё, баиньки!

В течение дня к моему прооперированному колену было привязано устройство, напоминавшее грелку. К нему вел шланг, опущенный в большое ведро, которое я должен был постоянно носить с собой. В ведре лед с водой. Когда «грелка» нагревалась, я поднимал ведро, в «грелку» заливалась новая порция холодной воды, охлаждавшей колено. Мы все с этими ведрами на костылях и ходили — сначала очень неудобно, потом привыкаешь.

Конструкция внутри здания была продумана до мелочей, вместо лестниц везде пандусы.

Были там и два бассейна. В одном нас учили ходить. Под большим напором, под разными углами туда пускались струи воды, и ты ходил сначала в сопровождении своего личного врача, как по лабиринту, потом, окрепнув, уже один это проделывал. Во втором бассейне мы бегали, делали разные упражнения. В воде я проводил много времени, мне это очень нравилось.

Самым страшным испытанием среди занятий для меня оказался велотренажер. Тяжело было не педали крутить, а сидеть на нем, от боли слезы текли. Увидев кровавые синяки на моей тощей «пятой точке», доктора изумились. Мне тут же купили специальные шортики с подушкой на заднице. Я почувствовал, что жизнь налаживается...

4

Капбретон известен не только местом скопления серферов и своей прекрасной мариной, куда приходят яхты со всего света. Я прямо-таки подпрыгнул от неожиданности, когда узнал, что покровителем города является